

**МОТИВЫ СОЗДАНИЯ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ
В СРЕДЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ НА ПРИМЕРЕ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В.М. ЗЕНЗИНОВА**

Революционные события 1917 года, приход большевиков к власти и Гражданская война заставили многих деятелей политики и культуры покинуть Россию. Первая волна русской эмиграции привела к образованию так называемого российского зарубежья со сложившимися внутри него культурными центрами, такими как Берлин, Париж, Нью-Йорк и многими другими. В ноябре 1918 года Россию навсегда покинул и видный политический деятель, революционер, член ЦК партии эсеров и член Уфимской Директории Владимир Михайлович Зензинов.

За все время своей деятельности в России Зензинову не единожды приходилось покидать родину и вести борьбу против самодержавия из-за границы. Такое положение обусловлено спецификой политической деятельности в России в начале XX века, а также особенностями организации партии социалистов-революционеров, к которой принадлежал Зензинов. Как отмечает А.П. Новиков, “сложился такой стереотип сознания, когда сама эмиграция рассматривалась как своего рода партийно-политическое инобытие, то есть она представлялась как нечто вынужденное и временное, как определенное средство восстановления и собирания сил для продолжения борьбы и будущих побед над противником” [1]. Такая психологическая установка, а также политические взгляды и черты характера Зензинова определили в период эмиграции его стремление повлиять на действительность Советской России.

Исследовательские работы В.М. Зензинова посвящены отдельным аспектам жизни в СССР. В 1928 году в парижском журнале “Современные записки” он публикует статью “Беспризорные”, а уже в следующем году увидела свет одноименная книга, вобравшая в себя материалы о жизни беспризорных в СССР. Из одного текста в другой переходит желание автора привлечь внимание к решению столь серьезной проблемы, как детская беспризорность: “Борьба с этим явлением – наша общественная задача, которую надо решить теперь же...” [2, с. 407]. Зензинов, как видно, стремится пролить свет на явления, наблюдающиеся в СССР. Проявляется вера автора в возможность помощи беспризорным со стороны общественности Европы и Америки: “Быть может, ознакомившись с подлинными размерами этого бедствия...общественное мнение Европы и Америки сумеет найти пути и способы для его облегчения, как это было в 1921 – 1922 гг., когда небывалый голод, посетивший русский народ, обратил на себя внимание всего мира и вызвал с его стороны активную и

действенную помощь” [3, с. 9]. Кроме того, эффективность работы общественных организаций отражена Зензиновым в начале книги “Беспризорные”, где автором приводятся результаты деятельности “Лиги Спасения детей” и “Совета Спасения детей”. Таким образом, Зензинов создает работу, посвященную беспризорности, в надежде оказать влияние на решение этой проблемы посредством деятельности общественных организаций. В возможность этого он верит даже в конце 1920-х годов.

Ожидая отклика общественности, Зензинов должен был принимать во внимание события недавнего прошлого, когда деятельность эмигрантов пролила свет на происходящее в Советской России. Речь идет о реакции европейской общественности и эмигрантских кругов на судебный процесс социалистов-революционеров, проходивший в России в 1922 году. Важнейшими результатами этой протестной кампании в Европе К.Н. Морозов называет утверждение в европейских социалистических и демократических кругах более адекватного представления о недемократичности советского режима, а также рост в этих кругах влияния эсеров [4, с. 56]. Сам Зензинов принимал активное участие в организации деятельности этой кампании и не мог не считаться с ее результатами. Его призыв к общественности Европы был свойственен представителю эсеровской эмиграции того времени.

В 1944 году в Нью-Йорке Зензинов публикует книгу “Встреча с Россией”, в которой анализирует письма, собранные им на полях сражений Советско-финской войны. На основе этого материала Зензинов сумел сделать выводы о повседневной жизни людей в СССР, проявив себя грамотным исследователем. Как пишет Зензинов, его книга должна быть прочитана именно теми, кто хочет, но боится узнать правду о России [5, с. 8]. Желание показать современникам черты советской жизни и интерес к родине в целом сохраняются у Зензинова на протяжении долгого периода времени после начала его жизни в эмиграции.

Итак, основным мотивом создания публицистических произведений у Зензинова стал интерес к родине, дополняющийся желанием изобразить жизненные реалии в Советской России. Именно такие черты присущи Зензинову как исследователю-эмигранту. Обращение к проблеме беспризорности в СССР отличает его от многих других представителей русской эмиграции. В конце 1920-х годов Зензинов верил в возможность разрешить эту проблему с привлечением европейской общественности. Таким образом, исследовательская деятельность Зензинова отражает круг проблем, интересующих эмигранта, и его представление о способах решения этих проблем.

Библиографический список

1. Новиков А.П. В.М. Чернов в годы третьей эмиграции: эстонский период (1920 – 1922). URL: <http://socialist.memo.ru/firstpub/y06/novikov2.htm>.

2. Зензинов В.М. Беспризорные // Современные записки. № 35. Париж, 1928.
3. Зензинов В.М. Беспризорные. Париж, 1929.
4. Морозов К.Н. Проведение эсеровской эмиграцией протестной кампании в Европе накануне и во время процесса социалистов-революционеров в России (8 июня – 7 августа 1922 года) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Том 5. Выпуск 1. История. Новосибирск, 2006.
5. Зензинов В.М. Встреча с Россией. Нью-Йорк, 1944.

А.В. Ломакин

Самарский государственный социально-педагогический университет

**ПОЭЗИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК
(НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ
«ОТТЕПЕЛИ» Г. КУЙБЫШЕВА)**

Одним из первых проблему использования художественных произведений в качестве исторического источника по социальной истории (хотя тогда такого понятия в современном понимании и не существовало) поставил В.О. Ключевский. Парируя С.Ф. Платонову он писал, что важным историческим фактом могут быть идеи, чувства и впечатления времени (речь шла о «Повести о видении...» протопопа Герентия 1606 г.) [3]. Но тогда эта идея широкого распространения не получила, и широкая дискуссия по этому вопросу началась лишь в начале 1960-ых гг., в журналах «Вопросы истории», «Новая и новейшая история», и др. Тогда компромиссного решения достигнуто не было, мнения историков диаметрально расходились. Мы вынуждены вновь обращаться к этому вопросу в связи с тенденциями современной исторической науки, направляющими историков на изучение социальной истории, которое, как нам кажется, невозможно без использования произведений художественной культуры в качестве исторического источника. Здесь же нужно пояснить, что речь идет прежде всего о рассмотрении этого источника не в смысле его нарратива, а в смысле идей, мыслей, взглядов, которые он отражает, как памятник эпохи.

В данной статье мы рассмотрим лишь одну составляющую художественной культуры: поэзию. Обращение к ней во многом продиктовано изучаемым нами периодом – хрущевской «оттепелью» 1953-1964 гг., когда «поэзия становится знаменем эпохи» [5, с. 222.]. Действительно, при достаточно глубоком изучении выясняется, что многие проблемы и процессы периода, проходят «красными нитями» через стихи. Но современный исследователь, ввиду отсутствия четкой методологии по работе с этим источником, вынужден действовать во многом интуитивно, по-